

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Удивленный человек (Сибирские рассказы)

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии. В поисках заработка он с 1874 г. ста-

новится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0012
III.....	.0018
ПРИМЕЧАНИЯ.....	.0024

Д.Н. Мамин-Сибиряк
Удивленный человек
Очерк

Каждый человек, который в первый раз попадает на скамью подсудимых, несколько времени, вероятно, бывает очень удивлен: в самом деле, разве для того он жил на белом свете, то есть хлопотал, бился, обманывал себя и других, чтобы попасть в это глупое положение? Но представьте себе удивление Максима Лукича, когда он очутился на скамье подсудимых... Собственно говоря, Максима Лукича и не было совсем, а был уволенный по третьему пункту сибирский заседатель г. Переберин, которого судили «по-новому». Максиму Лукичу казалось, что судили совсем не его, Максима Лукича, а кого-то другого, именно уволенного по третьему пункту допотопного сибирского заседателя г. Переберина. В качестве постороннего наблюдателя, Максим Лукич удивлялся, между прочим, и тому, что судят всенародного человека за совершенные пустяки; наконец, больше всего он удивился тому, как скоро все это случилось, то есть следствие, предварительное заключение и, наконец, самый суд. Судился Максим Лукич

«по совокупности», так что следователь выбился из сил, открывая все новые и новые преступления. Получалась длинная цепь из превышений власти, взяточничества, вымогательств и бесконечных рукоприкладств. Но и этого оказалось мало: на суде из свидетельских показаний выплывали новые факты, и, казалось, им не было конца. Для одного человека материала было слишком много, и старые сибирские суды проволочили бы это дело, по меньшей мере, лет пятнадцать, пока Максим Лукич не догадался бы и умер, а тогда все производство кануло бы в вечность. Именно эта быстрота нового суда и возмутила Максима Лукича... Помилуйте, вчера человек был облечен властью, пользовался общим доверием и любовью, а сегодня он украшает собственной особой скамью подсудимых!

Набившаяся в залу суда публика тоже недоумевала и с участием следила за ходом дела. Сыромятные физиономии так и застыли в недоумении: что же это такое в самом-то деле? Помучили человека, и будет. Нужно и честь знать...

Публика глазела на расшитые мундиры

новых судебных чинов, на скамью присяжных заседателей, на двух адвокатов, а больше всего на молоденького товарища прокурора, который несколько кокетничал. Что ему, этому молодому человеку, сделал Максим Лукич? Максим Лукич, в свою очередь, смотрел на публику, где мелькали все знакомые лица, и только пожимал плечами. Дескать, посмотрите, добрые люди, что со мной делают. А уж я ли, кажется, не старался для вас же!.. Наехавший новый суд был здесь совершенно чужим и не понимал взаимного тяготения сторон. Когда при открытии заседания председатель обратился с обычным вопросом: «Подсудимый, признаете ли вы себя виновным?» — старик весь встрепенулся и что-то хотел сказать, но потом махнул рукой и ответил коротко: «Никак нет-с», — как отвечал еще во время службы в одном из казачьих полков на китайской границе. Публика облегченно вздохнула: так мог ответить только совершенно невинный человек... Да и наружность у Максима Лукича была самая импонирующая: высокий, седой старик, с остриженными под гребенку волосами, производил подкупающее

впечатление. Большие, не по-старчески живые, темные глаза и военная выправка придавали ему бодрый вид. Его портила только отпущенная во время предварительного заключения борода — рыжеватого-грязного цвета, с прямым волосом, как на половой щетке, точно она была сделана из проржавленной железной проволоки. Товарищ прокурора, выхлещенный молодой человек с утонченно-изящными манерами, брезгливо отворачивался от старого сибирского волка, точно один его вид мог замарать чистую прокурорскую душу. Особенно понравилась этому молодому человеку стереотипная фраза, какой встречал и провожал бывший заседатель своих бывших клиентов:

— Мы рассмотрим ваше дело, смотря по данным...

Это было типично и остроумно: все дела вершились, смотря по данным, то есть соответственно с количеством и качеством взяток. Максим Лукич действительно брал жареным и вареным; но, во-первых, кто же не берет, и, во-вторых, ему самому приходилось представлять свои собственные данные, когда на-

летала внезапная ревизия или выезжал на кормежку какой-нибудь голодный губернский чин. Шла круговая, а на скамью подсудимых попал один Максим Лукич. К своему адвокату он относился совершенно безразлично, как к новому человеку, который поражал его только своей юркостью и самодовольным видом. Что это он, адвокат, так суется, когда дело совсем правое? С другой стороны, Максим Лукич подозревал, что его адвокат в заговоре с прокурором, — это заметно по всему. Такой, с позволения сказать шалыган, и вдруг от него, некоторым образом, будет зависеть вся судьба Максима Лукича.

— Вы не робейте... — шептал адвокат, обращаясь к подсудимому. — Все будет зависеть от присяжных...

— Это значит от мужиков?

— Разве вы в первый раз на суде?

— Слава богу, раньше не случалось... Да и какой это суд?.. Товарищ прокурора — мальчишка, присяжные — мужланы...

Максим Лукич с какой-то грустью посмотрел на присяжных, в руках которых теперь его судьба: два чиновника, пять купцов, а

остальные — все мужики. Все надежды он возлагал на этих двух чиновников, которые все-таки могут понять что-нибудь, ну, пожалуй, купцы наполовину поймут, а остальные... Нечего тут и говорить: отличный суд!.. Конечно, мужики его осудят, потому что он пять уездов держал в страхе и трепете и никому не спускал. Да, он не дискредитировал власти, как вот такие нынешние фитюльки...

— Послушайте, — обратился Максим Лукич к своему защитнику в середине прокурорской речи, — что я сделал этому молодому человеку? Уж очень он привязался к «данным»... Нельзя ли подсунуть ему барашка в бумажке?

— Вы с ума сошли, Максим Лукич!

«Ну, суд!.. — угнетенно подумал подсудимый. — А того не знает, что честь всегда лучше бесчестия...»

Обвинение «по совокупности» распадалось на целый ряд дел, тех заурядных дел, о которых не стоило бы даже говорить. Отправным пунктом послужило «дело купца Максунова», заключавшееся в следующем. Степной купец Максунов приехал на Ирбитскую ярмарку, где у него была торговля бараньим салом. Ярмарка была бойкая, и Максунов распродавался своим товаром. Под конец, когда сводились счета, к нему является молодой человек, по фамилии Калачиков, служивший раньше приказчиком у обанкротившегося купца Шершнева.

— Степан Иваныч, не знаете ли где мне местечко? — спросил молодой человек. — Вот полгода без дела шатался... Думал, в Ирбитской подыщу занятие, а вот ярмарка кончилась, а я все в той же коже.

Максунов видал раньше Калачикова и пожалел. Что же, в самом-то деле, со всяким может беда приключиться, а парень совсем молодой; не умереть же ему с голода. Полученный на ярмарке барыш тоже много способ-

ствовал благодушному настроению Степана Иваныча.

— Вот что, молодец, скажу я тебе, — ответил он: — места у меня тебе нет, а помочь могу... Первое дело, отсюда я проеду на Степную ярмарку, так айда со мной. Мне все одно прогоны-то платить, а там, может, что и придумаем...

Конечно, Калачиков согласился, и они отправились в дорогу вместе. До Степной ярмарки было дней пять пути, но зимой эта дорога легкая, а шубы у Максунова, как печи с герметическими заслонками. Одел он и Калачикова, который щеголял в сак-пальто с барашковым воротником. Едет Максунов и все жалеет своего невольного спутника. Приехали в Степную, — Максунов по своим делам, а Калачиков опять место ищет. Искал-искал, ничего не нашел. И Максунов за него хлопотал — ничего не выходит. Такой уж, значит, незадачливый человек уродился, что все у него клином. Только возвращается раз Максунов к себе в номер, а Калачиков висит на душнике. Вот так фунт... Что называется, поблагодарил за хлеб, за соль. Конечно, и запис-

ка: «В смерти моей прошу никого не обвинять». Одним словом, все в порядке устроил, как в газетах об таких делах описывают.

«Нечего сказать, ублаготворил!..» — подумал Максунув и сейчас же послал за полицией.

Как бывалый и тертый человек, он ничего особенного не боялся. Конечно, неприятно, хоть до кого доведись, а больше и ничего. Мог бы человек из благодарности в другом месте где-нибудь удавиться... Ну, да что тут толковать: и жить не умел и умер скверно. На заявление в полицию явился сам заседатель Максим Лукич. Максунув встречался раньше с ним, кучивали даже вместе, а поэтому он и отнесся к нему за панибрата.

— Вот какой гостинец, Максим Лукич...

— Да-с, казус не маленький, — отвечал загадочно Максим Лукич. — Надо будет обыск небольшой сделать у вас... Конечно, я понимаю, что не вы же его удавили, но нельзя-с, форма. Сам подневольный человек...

— Зачем обыск, Максим Лукич? Помилуйте, у него решительно ничего не было, и привез-то я его сюда в своей шубе.

Одним словом, Максим Лукич сразу повел дело к «данным», а Максунув уперся: нет уж, извините, не прежняя пора, чтобы за здорово живешь и т. д. Максунув бывал и в Нижнем, тоже видал людей. Что же, он готов сделать благодарность, но в свое время, а не так, чтобы, например, вам прямо наступили на горло, и вынимай из кармана «данные». Наконец, это не по-товарищески, а еще вместе у арфисток путались.

— Делайте обыск, ежели это вам нравится, — заявил обиженный Максунув. — Здесь все мое, кроме вот этого мертвого тела...

Заседатель принялся за свое дело, а Максунув сидит и только посмеивается. Этакая старая крыса, что придумал! Пусть пороется. Максим Лукич действительно поусердствовал. Не только перерыты были все чемоданы и разные дорожные вещи, но даже подпороты шубы и подушки.

— Кажется, теперь все-с? — спрашивал Максунув.

Последним Максим Лукич осматривал небольшой дорожный чемоданчик с разными бумагами, прихода-расходными книгами и

счетами. Пересмотрев все, он остановился на конверте с надписью: 200 р. В конверте оказалось всего 12 р.

— А это как, по-вашему, называется? — спросил Максим Лукич, показывая конверт.

— Никак не называется: конверт, а в конверте 12 рублей денег.

— Так-с... А надпись «200 рублей» что означает?.. Это, государь мой, называется подлогом. Да... Это, государь мой, значит, что вы ездите по ярмаркам да обманываете публику.

Впрочем, что тут толковать: улика налицо, а мы составим протокол.

У Максуснова лицо вытянулось. Был составлен протокол, подписан понятыми, скреплен Максимом Лукичом, а Максуснов был подвергнут предварительному заключению.

— Максим Лукич, да ты послушай, перестань шутить... — попробовал он уговорить поднявшегося на дыбы заседателя. — Ежели уж на то пошло, так я могу сделать благодарность...

— Поздно, государь мой, — печально ответил Максим Лукич. — Вот ты, борода, думаешь, что был два раза на ярмарке в Нижнем,

так и расширился... Нет, погоди, я тебя укорочу!.. Будешь помнить Максима Лукича...

Дело о подлоге пошло законным ходом, а Максунув просидел в тюрьме ровно восемь месяцев, пока не был назначен в Западную Сибирь новый суд и пока его дело не попало в руки нового следователя, ахнувшего от изумления. Максунува, конечно, немедленно освободили от заключения, и Максим Лукич занял его место в качестве подсудимого. Таким образом, максунувское дело послужило только исходной точкой, а там посыпались новые дела без конца: подлоги, вымогательства, хищения в самой разнообразной форме и вообще превышение власти. Максим Лукич орудовал в степи, как своего рода царек. Но у каждого специалиста есть непременно свой конек, а таким коньком сибирского заседателя были мертвые тела. Он перевозил их с места на место и получал «данные» на этом пути со всех. Одно мертвое тело он завез на мельницу, другое — к попу на погреб и т. д.

Речь молодого товарища прокурора была блестяща, как те первые весенние цветы, которые говорят о наступающем лучшем времени года. Он говорил о справедливости, об уважении к закону, о чувстве собственного достоинства, о правовых нормах, еще раз о справедливости и вообще сыпал великими истинами, составляющими разменную монету профессионального красноречия. После этого необходимого вступления он перешел к обстоятельствам настоящего дела и густыми красками набросал специальную картину разной сибирской неправды, невежества с одной стороны, и хищения с другой, а в применении особенно налег опять на «данные». Максим Лукич слушал эту блестящую речь и опять недоумевал. Первой половины, признаться, он и совсем не понял, а со второй не мог согласиться, как порядочный человек. Нет, извините, он не злодей и не преступник, а самый обыкновенный человек, как все другие, и поступал он тоже, как другие, — ни хуже, ни лучше. Несколько раз его так и подмы-

вало прервать прокурорское красноречие и заявить во всеуслышание: «Ваше благородие, да за что вы меня судите-то? Сущие пустяки, о которых и говорить-то не стоит... Если уж судить, так судить вот за что...» — тут следовал целый ряд таких фактов, о которых прокурор и следователь были не известны и объявить которые Максим Лукич не имел права, потому что не желал оговаривать других. Да, он этого не хочет, и вот эти другие пусть казнятся, как он страдает за всех.

Прокурор закончил свою речь блестящей фразой, приправленной соответствующим жестом:

— Господа присяжные заседатели, в этом человеке (прокурорская рука указала на подсудимого) умерло решительно все человеческое, кроме страха наказания...

В зале царило гробовое молчание, когда прокурор спрятался наконец за своим пюпитром. Публика была подавлена, как те дети, которые в первый раз попали на исповедь. Максим Лукич сидел с опущенной головой, и какая-то конвульсивная улыбка кривила его губы. Что же, говорите, можно сказать все, а он

не виноват... Вот тебе и «данные», Максим Лукич! И слово-то не его, а позаимствовано во времена оны от одного благоприятеля, консисторского чина, который тоже решал все дела «смотря по данным».

— Господа присяжные заседатели и господа судьи!.. — немного глухим голосом начал защитник Максима Лукича, привычным жестом вскидывая свое пенсне на нос. — Господь да просветит и вас, господа присяжные...

Максим Лукич широко раскрыл глаза от удивления: вот так выстрелил адвокат-то... Ловко!.. Под конец прокурорской речи, утомленный предшествовавшим судоговорением, Максим Лукич страшно захотел спать и, чтобы привести себя в сознание, считал число окон в зале и число набившейся в зале публики. Это скромное занятие разгоняло дремоту. День уже клонился к вечеру, а прокурор ни за что не хотел сделать перерыва. Максим Лукич начинал испытывать голодную зевоту и не прочь был перекусить. Ловкий приступ адвоката встряхнул его.

Теперь Максим Лукич был уверен, что его оправдают. Конечно, оправдают, если судить

на совесть. Присяжные-то заседатели все знают и могут понимать.

Речь адвоката так и лилась рекой. Он ловко подхватил несколько неудачных выражений из прокурорской речи, бойко очертил показания некоторых свидетелей и подробно остановился на самой сущности дела. Вот тебе и фитюлька: как ножом, так и режет. Дремавшие присяжные тоже встрепенулись и с удивлением смотрели на адвоката, что он скажет в пользу кругом виноватого человека. Среда, унаследованные привычки, местные нравы, уровень развития — так и сыпались с адвокатского языка, точно пошел дождь.

— Я охарактеризую подсудимого проще и понятнее, чем господин товарищ прокурора, — говорил защитник. — Это законный сын известного строя жизни, известной обстановки и унаследованных привычек — не больше того... Мы все рабы времени, в какое живем, и платим ему тяжелую дань. Если бы на подсудимого надеть мундир господина товарища прокурора, вооружить его уложением о наказаниях и поставить за прокурорский пюпитр, а господина товарища прокурора посадить на

скамью подсудимых...

— Господин защитник, вы отклонились в сторону, — остановил адвоката председатель.

— Господа присяжные заседатели, я хотел сказать только то, что понять человека можно не иначе, — как поставив себя на его место, — ловко отпарировал удар г. защитник. — Пусть ваша совесть обвинит среду, обстановку, обстоятельства и привычки, которые подсудимого довели до настоящего положения, а люди — везде люди, и подсудимый не хуже вас с нами... На его месте мы, быть может, сделали бы еще больше зла!..

Эта горячая защита продолжалась битых часа два, так что адвокат начал хрипеть и несколько раз вытирал вспотевшее лицо платком. «Вот именно...» — мысленно повторял за Ким Максим Лукич и смотрел на присяжных заседателей, стараясь прочесть на их лицах свой приговор. Что он им-то сделал?.. И стоит сказать всего два слова: «Нет, не виновен», а что касается «данных», — так уж бог с ними, с этими «данными». Главное, за пустяки судят.

Наконец адвокат кончил. После него гово-

рил что-то товарищ прокурора, потом сделал свое резюме председатель, и наконец представлено было последнее слово подсудимому.

— Нет, не виновен... — упавшим голосом проговорил Максим Лукич, хотел еще сказать что-то, но горло точно сдавило что, и он только махнул рукой.

После получасового совещания присяжные заседатели вынесли свой вердикт, и старшина громко прочитал:

— Да, виновен...

Сначала Максим Лукич не понял смысла этих слов, а потом судорожно схватился за решетку и как-то грудью крикнул:

— Господа, да за что же?.. Уж если судить, так... Э, да что тут, впрочем, говорить!..

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые опубликован в газете «Русские ведомости», 1890, № 2, 3 января. При жизни писателя включался во все издания «Сибирских рассказов». Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», М., 1902. Рукопись (с пометой «17 ноября 1889 г., Екатеринбург») хранится в Свердловском областном архиве.

Очерк отмечался критикой в числе лучших из «Сибирских рассказов» («Новости печати», 1895, № 2; «Русское богатство», 1898, № 5).

Стр. 118. Судили «по-новому» — то есть согласно правилам судопроизводства, установленным судебной реформой 1864 года.

Стр. 120. Шалыган — шалопай, бездельник.

1890